

На следующий день Се Минхуэй, боясь, что Цзинь Гуанъяо снова опоздает, специально пошёл его разбудить. Однако, подойдя к его двери, обнаружил, что в комнате уже никого нет, постель аккуратно сложена, всё идеально чисто. Удивившись, он понял, что тот уже отправился в хранилище книг, закрыл дверь и пошёл в класс.

По дороге в хранилище книг человек, похожий на небожителя, вёл за собой полуспящего.

Цзинь Гуанъяо смотрел на человека, который настойчиво тащил его вперёд, и с сильным носовым оттенком сказал:

— Эй, так рано, куда мы идём? До начала занятий ещё полчаса, зачем так спешить?

— Нужно. Вчера на уроке ты публично возразил дяде, он очень зол. Если ты не будешь вести себя хорошо, он не скоро успокоится.

Цзинь Гуанъяо с силой вырвался из его хватки:

— Эй, Лань Сичэнь, мы так давно не виделись, и первое, что ты делаешь, — это вытаскиваешь меня из тёплой постели, разрушая мой сон. Это твой способ встречи с другом?

Лань Сичэнь вздохнул. Если бы не он вчера заступился, неизвестно, сколько раз ему пришлось бы переписывать правила клана Лань.

— А Яо, ты публично унизил дядю, ему было очень неловко.

Цзинь Гуанъяо, услышав это, на мгновение замер:

— Э... Было?

Он смотрел на Лань Сичэня с невинным и растерянным взглядом, его живые глаза заставили сердце Лань Сичэня трепетать. Тот не смог удержаться и легонько щёлкнул его по лбу, с нежным упрёком и любовью:

— Ты...

Когда длинные пальцы коснулись его лба, Цзинь Гуанъяо слегка вздрогнул. Прикосновение было лёгким, почти незаметным, пальцы были прохладными.

— Пойдём, я приготовил тебе еду в хранилище книг. Знаю, что тебе не понравится, что я разбудил тебя так рано, пусть это будет моим извинением, ладно?

Рассвет только начал пробиваться сквозь облака, красные лучи света рассеялись по горизонту, освещая границу между небом и землёй. Лань Сичэнь стоял спиной к свету, и казалось, что этот сияющий свет был создан для него. Его белые одежды были как снег, налобная лента развевалась на ветру, а тёплая улыбка, казалось, могла растопить любой лёд в мире.

Цзинь Гуанъяо невольно замер, глядя на него.

Лань Сичэнь почувствовал необъяснимую радость:

— А Яо, на что ты смотришь? Пойдём.

Цзинь Гуанъяо тут же ответил, слегка кашлянув, его уши слегка покраснели:

— Хорошо, пойдём.

Лань Сичэнь больше не тянул его за собой, Цзинь Гуанъяо молча следовал за ним, глядя на его спину, пока они не дошли до хранилища книг.

— Мы пришли. Заходи, а то еда остынет.

— Хорошо.

В хранилище на столе стояла коробка с едой. Только войдя, Цзинь Гуанъяо уловил аромат пищи и поспешил к столу, открыл коробку и удивился, увидев внутри несколько блюд: суп из лотоса и лонгана, паровые булочки из Лунцюаня, каштановые пирожные, пирожные с османтусом — все его любимые блюда.

— Лань Сичэнь, это всё ты приготовил?

Хотя он задал вопрос, в душе уже был уверен в ответе.

— Да, не знал, что ты хочешь, поэтому приготовил что-то простое. Тебе нравится?

Цзинь Гуанъяо смотрел на коробку с едой, затем на улыбающегося Лань Сичэня, и странное чувство наполнило его сердце, оно будто переполнилось.

— Очень нравится, Лань Сичэнь, спасибо.

— Я говорил, между нами не нужно таких слов.

— Хорошо.

— Ешь, а то суп остынет.

— Хорошо, я ем. А ты?

— Я уже ел.

Цзинь Гуанъяо забыл, что на уровне Лань Сичэня можно не есть несколько дней без проблем. Он достал еду из коробки и начал есть с аппетитом. Съев половину, он поднял голову и увидел глаза Лань Сичэня, полные тепла и внимания. Кусок пирожного с османтусом застрял у него в горле, он не мог ни проглотить, ни выплюнуть, лицо покраснело.

Лань Сичэнь, увидев это, поспешно налил ему чашку чая и протянул.

— Ешь медленнее, не торопись.

— Слушай, Лань Сичэнь, ты ведь глава клана, разве у тебя нет дел? Зачем ты здесь?

— У меня нет дел, в последнее время мне нечего делать, вот я и пришёл проведать тебя.

Цзинь Гуанъяо запнулся:

— П... проведать меня?

— Да, мы не виделись полгода, А Яо, ты не скучал по мне?

Сказав это, он легонько отхлебнул чай и взглянул в глаза Цзинь Гуанъяо. Его голубые глаза были полны ожидания. Цзинь Гуанъяо сглотнул и твёрдо сказал:

— Скучал, очень скучал. Одна из причин, по которой я приехал в Гусу, — это увидеть тебя.

— А Яо, ты говоришь правду?

— Правду, чистейшую правду.

Услышав это, Лань Сичэнь тихо рассмеялся, его глаза сверкали:

— Хах, но даже если так, тебе всё равно придётся переписать правила клана Лань дважды.

Хорошее настроение Цзинь Гуанъяо мгновенно испарилось.

— Ты что, пришёл следить за мной?

Лань Сичэнь поднял чашку с чаем и улыбнулся:

— Угадал.

— Да ты что... Лань Сичэнь, у тебя ведь нет дел?

— Нет.

— Следить за кем-то — это утомительно.

— Не утомительно.

— Сидеть одному — скучно.

— Хм, зато я буду с тобой, чтобы тебе не было скучно.

— ...

Цзинь Гуанъяо, глядя на Лань Сичэня, который явно не собирался уходить, чувствовал, как его планы избежать работы постепенно рушатся, а надежда закончить переписывание ускользает. Смирившись с судьбой, он начал переписывать под пристальным взглядом Лань Сичэня, опираясь на руки, ноги выпрямив. Лань Сичэнь любезно положил перед ним бумагу и кисть, и Цзинь Гуанъяо, покорившись судьбе, одной рукой держа кисть, а другой опираясь на пол, начал переписывать, стиснув зубы. Когда чернила заканчивались, Лань Сичэнь быстро подливал воду и растирал тушь.

Один стоял на руках и переписывал, другой, стоя на одном колене, терпеливо растирал тушь, расстояние между ними было настолько мало, что они могли слышать дыхание друг друга.

Когда Цзинь Гуанъяо переписал более двух тысяч правил, его рука уже дрожала, рука, держащая кисть, тоже начала трястись, пот заливал глаза, мешая видеть, лицо покраснело от притока крови. Лань Сичэнь сидел рядом, одной рукой держа книгу, а другой, спрятанной в рукаве, крепко сжатой.

Наконец, Цзинь Гуанъяо не выдержал, перед глазами потемнело, рука ослабла, и он упал вниз, но тут же оказался в крепких объятиях. В полузабытьи он услышал, как Лань Сичэнь зовёт его:

— А Яо, А Яо.

Мир перед глазами Цзинь Гуанъяо кружился, он не мог понять, где север, а где юг, глаза были мутными, он тяжело дышал:

— Отдохну... потом продолжу... — Сказав это, он склонил голову и потерял сознание.

Во сне он лежал на тёплой кровати, подушка была мягкой, одеяло источало приятный аромат, который успокаивал. Рука, на которую он опирался, всё ещё дёргалась, ладонь покраснела, локоть болел, а плечо ныло.

Белая рука лежала на воздухе, Лань Сичэнь достал из кармана флакон с лекарством, намазал его на руку, разогрел ладони и нежно нанёс на руку Цзинь Гуанъяо. Там, где он массировал, боль и напряжение постепенно утихали.

Покрасневшее лицо тоже пришло в норму.

Глядя на человека в своих объятиях, Лань Сичэнь смотрел на него с такой нежностью, что казалось, она вот-вот прольётся. Кончиками пальцев он легонько касался его бровей и глаз, иногда задевая спящего, заставляя того хмуриться и пытаться отогнать то, что мешало его сну.

Лань Сичэнь коснулся его носа, Цзинь Гуанъяо хлопнул себя по носу, но не попал. Лань Сичэнь коснулся его глаз, Цзинь Гуанъяо почесал глаза. Затем он ткнул его в щёку, и Цзинь Гуанъяо шлёпнул себя по лицу.

Лань Сичэнь внезапно осознал это и остановил руку, которая вот-вот ударила его, невольно рассмеявшись.

Цзинь Гуанъяо, полусонный, чувствовал, что что-то мешает ему спать, и резко перевернулся, придавив это что-то своим телом.

Лань Сичэнь, не ожидая этого, оказался под Цзинь Гуанъяо, он крепко обнял его, боясь, что тот упадёт, и в итоге Цзинь Гуанъяо, ничего не понимая, оказался сверху...

Голова Цзинь Гуанъяо лежала на его груди, одна рука обвивала шею Лань Сичэня, другая обнимала его за талию, ноги были широко расставлены, тело лежало на его животе.

<http://bllate.org/book/15301/1350164>